

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)

УДК 94(57)

DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-11-19

Эволюция мифа о «Казанском взятии» в официальных коммуникациях и локальной исторической памяти

¹ Чернышов С.А.,

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет

Аннотация: статья посвящена анализу возникновения и эволюции мифа о «Казанском взятии» в октябре 1552 г. в символической политике и локальной исторической памяти. На основе реконструкции исторического контекста и военно-политической динамики делается вывод о малозначительном характере событий октября 1552 года, которые стали очередным эпизодом во внутриэлитарной борьбе Казанского ханства и противостоянии Москвы и Казани одновременно. Для анализа практик коммеморации «Казанского взятия» в официальных коммуникациях и локальной исторической памяти используются правительственные (в том числе, дипломатические) официальные источники, материалы личного происхождения, краеведческая и художественная литература, материалы СМИ различных эпох. Анализ этих материалов демонстрирует, как исторический нарратив «Казанского взятия» как ключевого эпизода локальной и национальной истории, будучи сконструированный для решения ситуативных задач различных субъектов коммуникаций (правительства, Церкви, части элит Московского царства), становится устойчиво, общепризнанной и не подвергаемой критическому анализу версией событий. В результате эволюции мифа о «Казанском взятии» для национальной истории этот локальный эпизод интерпретируется как акт цивилизационного значения, как сатисфакцию Руси в отношении одного из последних преемников Золотой орды, как начало принципиально нового, «евразийского» периода отечественной истории. Для локальной исторической памяти «Казанское взятие» интерпретируется как важный, но (обратный героическому) трагический акт политической истории татарского народа, знаменующий завершение самобытного и начало колониального периодов. В таком виде этот нарратив начинает воспроизводиться в локальных СМИ, художественных текстах, региональных учебниках истории. Оказывается, что вырваться из колеи однажды сконструированного исторического нарратива – почти невозможная задача.

Ключевые слова: Казанское взятие, Иван Грозный, Андрей Курбский, историческая политика, историческая память, региональная идентичность, история Татарстана

Для цитирования: Чернышов С.А. Эволюция мифа о «Казанском взятии» в официальных коммуникациях и локальной исторической памяти // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 1. С. 11 – 19. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-11-19

Поступила в редакцию: 18 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 16 ноября, 2024 г.; Принята к публикации: 15 января 2025 г.

Evolution of the myth about the “Capture of Kazan” in official communications and local historical memory

¹ Chernyshov S.A.,
¹ National Research Tomsk State University

Abstract: the article is devoted to the analysis of the emergence and evolution of the myth of the “Capture of Kazan” in October 1552 in symbolic politics and local historical memory. Based on the reconstruction of the historical context and military-political dynamics, a conclusion is made about the insignificant nature of the events of October 1552, which became another episode in the intra-elite struggle of the Kazan Khanate and the confrontation between Moscow and Kazan at the same time. To analyze the practices of commemoration of the “Capture of Kazan” in official communications and local historical memory, government (including diplomatic) official sources, personal materials, local history and fiction literature, and media materials from different eras are used. The analysis of these materials demonstrates how the historical narrative of the “Capture of Kazan” as a key episode of local and national history, being constructed to solve the situational problems of various subjects of communications (government, Church, part of the elites of the Moscow kingdom), becomes a stable, generally accepted and not subject to critical analysis version events. As a result of the evolution of the myth of the “Kazan Capture” for national history, this local episode is interpreted as an act of civilizational significance, as satisfaction of Rus' in relation to one of the last successors of the Golden Horde, as the beginning of a fundamentally new, “Eurasian” period of national history. For local historical memory, the “Capture of Kazan” is interpreted as an important, but (the opposite of heroic) tragic act in the political history of the Tatar people, marking the end of the original and the beginning of the colonial periods. In this form, this narrative begins to be reproduced in local media, literary texts, and regional history textbooks. It turns out that breaking out of the rut of a historical narrative once constructed is an almost impossible task.

Keywords: Capture of Kazan, Ivan the Terrible, Andrei Kurbsky, historical politics, historical memory, regional identity, history of Tatarstan

For citation: Chernyshov S.A. Evolution of the myth about the “Capture of Kazan” in official communications and local historical memory. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (1). P. 11 – 19. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-11-19

The article was submitted: September 18, 2024; Approved after reviewing: November 16, 2024; Accepted for publication: January 15, 2025.

Введение

Взятие Казани войском во главе с московским царем Иваном IV в октябре 1552 г. – один из центральных эпизодов символического нарратива Москвы о завоевании татарских ханств Поволжья и Западной Сибири второй половины XVI века. Важность «Казанского взятия» не только для локальной, но и для общенациональной истории не ставится под сомнение среди историков различных стран, регионов и периодов. К концу XIX века в отечественной историографии фактически сложился консенсус: именно «Казанское взятие» стало точкой отсчета для качественно иного этапа развития Московского царства, ставшего «подлинно царством» [7, с. 53] и совершившего акт сатисфакции за «все вековые притеснения и причиненные Руси обиды» [6, с. 51]. Этот нарратив безо всякого критического осмысления перекочевал в работы современных российских (в том числе, татарских) и зарубежных историков. Так, ка-

занский историк Б.Р. Рахимзянов оценивает взятие Казани так: «русский «царь» превратился в Царя» [19, с. 168]. Европейский историк А. Каппелер представляет события 1552 г. как рубежный этап для московской государственности: «с этого момента североевропейское Московское государство с преобладающим в нем до сих пор восточнославянским населением окончательно превращается ... в мультирелигиозную и полиэтничную империю» [9, с. 35].

А если и встречаются авторы, оспаривающие цивилизационное значение завоевания Казани в 1552 г., то даже и в этом случае принципиальная важность этого эпизода не оспаривается, но словно выворачивается наизнанку – например, из героической становится трагической. Например, современный татарский писатель Зиннур Мансуров пишет о важности завоевания Казани в следующем ключе: «цветущие болгарские города и села разрушены и стерты с лица земли, будто их и не

было. От нас ушел Касимов, потеряна Казань. Рассеялись татары, исчезли ханы... и нет у нас теперь ни государства, ни былой славы!» [13]

Одним словом, практики коммеморации завоевания Казани войсками Ивана IV в 1552 г. как важного, определяющего для цивилизационного пути Московского царства и для Казани (и шире – приволжских татар в целом) события является доминирующими. Цель настоящего исследования – реконструировать события октября 1552 года в широком историческом контексте, основываясь на классической и современной историографии, и проанализировать истоки и эволюцию исторического нарратива о принципиальном значении «Казанского взятия» для локальной и общероссийской истории.

Материалы и методы исследований

В основе этого исследования лежит терминологический ряд и инструментарий исторической политики и исторической памяти. Совокупность публичных актов «воспоминания» исторических фигур или событий и их переосмысления в современном контексте мы вслед за О.Ю. Малиновой в именуюем в статье «коммеморацией», «символической политикой», «исторической памятью» [12, с. 28]. Конструирование стройных нарративов исторической политики в этой концепции происходит на основе набора «исторических случайностей», которые теоретически образуют неограниченное количество вариаций» [25]. Если так, то любая коммуникативная конструкция подразумевает наличие субъекта коммуникаций (в том числе, коллективного), который обладает собственными целевыми установками, очевидно, далекими от идеалистических: легитимизация собственной власти, оправдание принимаемых решений, укрепление солидарности группы, демонстрация несостоятельности оппонентов, приобретение материальных и организационных ресурсов и прочее [11, с. 33]. Согласно концепции польского историка Ежи Топольски, сама ткань «официальной истории», кроме собственно информации и риторики всегда содержит идеологический компонент, определенные ценностно-мировоззренческие установки авторов продвигаемого нарратива [26, с. 202].

В такой оптике миф о «Казанском взятии» (важно подчеркнуть, что термин «миф» используется здесь не как синоним «выдуманной истории», а как синоним «сконструированного нарратива») имеет под собой некоторый набор исторических фактов, существующих в определенном событийном и коммуникативном контексте, на основе которого определенные субъекты коммуникаций конструировали и развивали тот нарратив, с кото-

рым мы имеем дело сегодня. Реконструкции состава этого «набора фактов», контекста их существования, и особенностям конструирования нарратива о принципиальном (героическом и/или трагическом) значении взятия Казани в октябре 1552 года и посвящена эта статья. Анализ «Казанского взятия» в такой оптике составляет новизну этого исследования.

Для реализации поставленной цели в исследовании, кроме архивных материалов, летописей и литературных памятников, используется широкий спектр источников: официальная документация, материалы личного происхождения, в том числе, местных историков, краеведов, журналистов, педагогов, фольклорные материалы, материалы СМИ разных эпох, краеведческие работы и локальные учебные пособия указанных регионов – словом, весь пласт материала, фиксирующего локальные коммеморативные практики.

Результаты и обсуждения

Взятие Казани в октябре 1552 года в историческом контексте

Интеграция татарских ханств Поволжья и Западной Сибири Московским царством во второй половине XVI века не была линейным военно-политическим актом. Также, как и сами взаимоотношения Московского царства и татарских ханств, череда военно-политических побед и поражений на этом направлении имела неомогенный, часто слабо связываемый в единую сюжетную линию характер. На примере московско-казанских взаимоотношений этот тезис выглядит особенно очевидно. Период с конца XV до середины XVI века в этих отношениях характеризуется то «русским протекторатом» 1487-1521 гг., когда после захвата Казани Москва стала по своему усмотрению ставить на казанский престол угодных татарских царевичей [23, с. 130], то периодами относительной самостоятельности Казани и даже прямой военной конфронтации. Так, в 1506 г. Василий III отправил на Казань армию из 100 тысяч воинов, которую казанский хан Мухаммед-Али (проводивший независимую от Москвы политику) наголову разбил в мае того же г., а в июне – 60-тысячное конное войско русских [22, с. 131]. Военный поход Ивана IV на Казань в 1552 г. таким образом был далеко не первым (и далеко не последним) крупным эпизодом военного противостояния Москвы и Казани. Политической «пикантности» этому противостоянию добавлял и «серый» статус пограничного Касимовского ханства, которое в 1510-е гг. одновременно считали своей вотчиной московский великий князь, и своим юртом – хан Муххамед-Гирей [19, с. 169].

Непосредственно событиям октября 1552 г. предшествовал довольно противоречивый политический контекст. В 1549 г. ханом в Казани провозгласили двухлетнего Утямыш-Гирея при регентстве его матери Сююмбике. В 1551 г. они были увезены в «почетный плен» в Москву, а Сююмбике насильно выдали замуж за касимовского хана Шах-Али [23, с. 134]. На короткий период престол занял Шах-Али, затем – Ядыгар-Мухаммед, и эта череда смены верховных правителей не может не демонстрировать слабость и зависимость казанского престола от Москвы. К 1552 году Казанское ханство зависит от Москвы и переживает череду внутренних противоречий, центральная власть ханства ослаблена.

В 1549 и 1550 гг. московская армия предпринимает неудачные попытки захватить Казань. По итогам этих походов москвичи приняли решение о смене тактики – так появилась крепость Свияжск в непосредственной близости от Казани, которая стала центром нового похода на Казань в 1552 г. Важный вопрос: почему татары никак деятельно не мешают строительству Свияжска? Представляется, что основная причина – в неоднородном составе строителей города-крепости. В строительстве Свияжска, помимо москвитов, участвовало по меньшей мере 500 казанских мурз и князей, противников хана Сафа-Гирея, ранее ушедших в Москву [2, с. 226].

Но даже и после начала строительства Свияжска военный исход противостояния не был предопределен. Известно, что в феврале 1552 г. в Казань прибывает А.Ф. Адашев, чтобы мирно низложить Шаха-Али. 6 марта Шах-Али уехал из Казани в Свияжск, в Казани была объявлена царская грамота о ликвидации ханства и назначении наместником свияжского воеводы князя Семена Ивановича Микулинского, однако часть казанской элиты эти перестановки не приняла и устроила «переворот» [17, с. 126]. В таком контексте события 1552 г. представляются уже не просто конфликтом Москвы и Казани, а эпизодом локального противостояния одной части элиты против другой внутри самого Казанского ханства с участием Москвы на стороне одной из противоборствующих сторон. При этом (с учетом действий Адашева) поход на Казань войска во главе с Иваном IV следует рассматривать уже не как завоевательный, а как карательный: не для смены власти и интеграции ханства, а для «закрепления» уже принятых решений.

Согласно «Казанской истории», подошедший к стенам Казани царь Иван IV отправил казанскому хану следующее послание: «пожалей себя, казанский царь, устрасишь меня, видя разорение земли

своей и гибель многих своих людей, сдайся мне добровольно, и верно служи мне, как служат мне прочие цари, и будь мне братом и верным другом, а не рабом и слугою, тогда посажен будешь ты мною царствовать в Казани до самой своей смерти» [24, с. 101] (курсив мой – С.Ч.). Если это свидетельство корректное (а в описываемом контексте оно представляется именно таким, не противоречащим предшествующим и последующим событиям), то Иван IV здесь не демонстрирует стремление завоевать или ликвидировать ханство, напротив – он стремится восстановить status quo, который в его интерпретации состоит в подчиненном положении казанского хана московскому царю.

После взятия Казани и ее разорения (в 1557 г. из 30-40 тысяч жителей Казани осталось лишь 6 тысяч татар, к которым прибавилось 7 тысяч русских [23, с. 152]) де-юре Казанское ханство перестало существовать, а управлять Казанью был поставлен московский наместник Горбатый-Шуйский. Можно ли в связи с этим событием утверждать, что в октябре 1552 г. московское войско покорило (или завоевало) Казанское ханство? Мы полагаем, что такое утверждение было бы некорректным. Да, город был взят, но сопротивление части «несогласной» элиты продолжилось и после 1552 г., и это сопротивление было не «стихийным» (как его обычно принято описывать), а хорошо организованным и ресурсно обеспеченным. Так, некий князь Мамыш-Берди в Чалымском городке на левом берегу Волги на марийской земле почти сразу после «Казанского взятия» разбил карательный отряд русских, высланный из Казани и Свияжска [22, с. 151]. Этот городок удалось взять только в 1556 г. – и это притом, что действовала там армия, которая вот только что взяла укрепленную Казань. Это должно говорить нам многое о качестве организации сопротивления.

Восстания татар и других местных народов происходили систематически вплоть до конца XVI – начала XVII вв., то есть, на протяжении жизни по меньшей мере двух-трех поколений. Современные татарские авторы называют этот период «отечественной войной татарского народа» [5, с. 13], однако это не совсем справедливое определение, поскольку на стороне новой власти была и значительная часть локальной татарской элиты – таким образом, эта война в современных терминах (которые можно применять к рассматриваемым событиям только очень условно) скорее «гражданская», чем «отечественная». Тем более, что значительная часть татарского войска стала боевой силой в многочисленных более поздних походах Москвы. Так, казанские полки участвовали в со-

ставе русской армии в Ливонской войне, Шах-Али в первый год войны был главнокомандующим армией, а в 1562 г. он возглавил русскую армию в походе на Польшу. С ним же в походе участвовали бывшие ханы Утямыш-Гирей и Едигер [23, с. 155].

Саму колонизацию края со стороны Москвы тоже нельзя назвать удачной. Да, в Прекамье появились русские поместья (что могло бы свидетельствовать об успехах колонизации), но значительное количество из них (24 из 37) вообще не имело крепостных дворов к концу 1560-х годов – то есть, вряд ли приносило дивиденды своим владельцам. Поместий, в которых насчитывалось 10 и более крепостных дворов, в регионе в этот период было всего 2,7% [5, с. 128].

Не удавалась и христианизация края. Да, русская церковь еще в 1552 г. могла говорить о победе христианства над мусульманством в Приволжье в связи с известным приказом «все мечети помести и в конец их извести» [23, с. 152]. Однако аналогичную формулировку мы встречаем, скажем, и в государственной грамоте казанским воеводам Вортыньскому и Вяземскому от 18 июля 1593 г. «мечетем татарским в Казани быть никак не велено» [23, с. 154]. В 1555 г. царь Иван IV отправил архиепископа Гурия насильно крестить татар, однако в 1593 г. митрополит Гермоген признал, что попытка христианизации края не удалась, больше того, русские, перелившиеся в этот край, перенимают местные верования: «живут новокрещены с Татари и с Чувашиею и с Черемисою и с Вотьяки вместе... и к церквам Божиим не приходят» [1, с. 436].

В таком контексте «Казанское взятие» октября 1552 года представляется очередным карательным походом в сложной череде локальных военнополитических противостояний, в которых Москва участвует на стороне одной из частей татарской элиты в раздираемой противоречиями и ослабленном Казанском ханстве. Взятие Казани долгие десятилетия не приносило дивидендов ни правительству, ни хозяйственным элитам, ни Церкви.

Конструирование мифа о «Казанском взятии»

Миф о «Казанском взятии», несмотря на очевидно противоречивое значение этого военнополитического эпизода истории Поволжья, возник и стал доминирующим практически мгновенно благодаря действиям сразу нескольких интересантов. Первый субъект коммуникаций – это московское правительство, которому взятое с боем (причем, с боем эпического характера) Казанское ханство, несомненно, было куда выгоднее в официальных коммуникациях и конструировании героического мифа, чем Казанское ханство, ликвидированное бюрократическими инструментами. В нарративе, который конструировало правительство

(включая дипломатические службы), последние случайно оказавшиеся на казанском троне ханы реконструировались как полновластные правители, Казанское ханство – как давний и экзистенциальный, а главное – сильный враг Московского царства, а взятие ханства – как восстановление исторической справедливости и закрепление «царского» статуса московского правителя.

В полулегендарной «Казанской истории» (несомненно, созданной в русле правительственного нарратива), написанной в 1564-1565 гг. якобы русским шпионом, жившим в Казани пленником и слугой казанских ханов с 1532 по 1551 год, этот нарратив воспроизводился следующим образом: «и узнал царь и великий князь Иван Васильевич, что издавна стоит *на Русской его земле* (курсив мой – С.Ч.) сарацинское царство Казань, а по-русски – Котел золотое дно, и что приносит оно большие несчастья и беды пограничным русским землям» [24, с. 79]. При этом последние ханы Казани (поставленные во многом при протекции Москвы) репрезентируются как полновластные правители. Скажем, ребенка Утямыш-Гирея, ненадолго ставшего ханом в двухлетнем возрасте и умершего в 1566 г. в возрасте 19 лет, большую часть жизни прожившего в Москве, на надгробии в московском Архангельском соборе рекомендовали следующим образом: «В лето 7074, июня в 11 день, на память Святых Апостол Варфоломея и Варнавы, преставися Царь Казанский, а во крещении Александр Сафагиреевич, сын Царя Казанского» [10, с. 42].

Второй интересант – Церковь, в чьих интересах было придать походу 1552 г. значение принципиального противостояния христианства и мусульманства с естественной в этой логике героизацией случившегося и вписывании результатов похода в единый нарратив торжества православия в северной Евразии. Московский митрополит Макарий, встречая царя Ивана IV и его войско из похода 1552 г. сконструировал нарратив, который в дальнейшем и будет использоваться как доминирующий: «прародителю твоему великому князю Владимиру, просветившему Рускую землю святым крещением, и многих иноплемennых победить, достохвальному же великому князю Дмитрию на Дону варвары победить, и святому Александру Невскому Латынь победить. Но тебе же ... превзыде свыше Божия благодать: царствующий градъ Казанский со всеми окрестными тебе дарова» [16, с. 226]. Таким образом, в церковных коммуникациях взятие Казани 1552 г. ставится в один ряд с крещением Руси, Куликовской и Невской битвами, и в целом демонстрирует линейное раз-

витие событий – перманентное и постоянно подтверждаемое торжество христианской веры.

Наконец, третьим неочевидным интересантом конструирования этого нарратива внезапно становится один из наиболее известных в Европе того времени оппонентов царя Ивана IV князь Андрей Курбский – участник похода 1552 года на Казань. В интерпретации Курбского поход на Казань – это борьба с «великим и грозным измаильским племенем, от которого трепетала некогда вселенная» [8, с. 104]. «Сказание о взятии Казани» – вообще единственная часть «Истории о великом князе Московском», где Курбский никак не обличает действия царя Ивана IV. В интерпретации Курбского московское войско не просто совершало очередную карательную операцию, а воевало едва ли не с самой мощной армией тогдашнего мира: «и не с одним царем воевали, но с разу с тремя великими и могучими царями, то есть с крымским, казанским и князьями ногайскими» [24, с. 118]. Естественно, Курбскому хотя бы для поддержания собственного героического образа в глазах европейских визави было важно интерпретировать поход 1552 г. именно таким образом, гипертрофируя его значение и основные детали. Однако эта сознательная героизация не могла существовать без одновременной героизации лидера похода – царя Ивана IV, что в итоге удивительным образом способствовало закреплению нарратива «Казань – важное и героическое приобретение Московского царства» среди внешней европейской аудитории.

Как видно, у каждого из этих интересантов были свои причины героизировать «Казанское взятие», однако эти факторы ситуативно совпали и способствовали конструированию непротиворечивого мифа о походе 1552 года. Уже к концу XVI – началу XVII вв. этот миф будет закреплён не только в постоянно осуществляемой дипломатической переписке, но и в летописях (Никоновская, Воскресенская, «Летописец начала царства», Львовская и другие [8, с. 104]), став фактически правительственно-общественным консенсусом.

*Эволюция мифа о «Казанском взятии»
в локальной исторической памяти*

Дальнейшая эволюция нарратива о «Казанском взятии» демонстрирует удивительную устойчивость ситуативно сконструированных идей. К XIX веку в локальных практиках коммеморации закрепляется как общепризнанная идея о цивилизационном значении «Казанского взятия». В 1823 г. на братской могиле русских воинов открылся мемориал в память победы над Казанским ханством, на фризе которого с четырех сторон написали «в память победы над татарами 1552 г.», а на стенах разместили два щита с изображением гидры, у ко-

торой вырастали головы – как выражение опасности, которую представляли татары для Москвы [6, с. 33]. В 1852 г. здесь же праздновали 300-летие завоевание Казани, ради которого Сенат и Государственный совет даже установили выходной у чиновников и учащихся Казанской губернии [6, с. 41]. Концепция «Казанского взятия» была закреплена в трудах классика «государственной» школы историка С.М. Соловьева: «завоевание Казанского царства было подвигом необходимым и священным в глазах каждого русского человека; подвиг этот совершался для защиты христианства от бусурманства, для охранения русских областей, опустошаемых варварами, для освобождения пленников христиански (...) здесь Средняя Азия под знаменем Магомета билась за свой последний оплот против Европы, шедшей под христианским знаменем государя московского» [20, с. 461].

В советский период официальная локальная историография подчеркивала исключительно прогрессивное значение событий 1552 г. – опять же, придавая им принципиальное историческое значение. Эта идеологическая задача оказалась настолько значимой, что ей было посвящён отдельный пункт Постановления ЦК ВКП (б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», которое прямо отрицало роль Золотой орды в истории и культуре татарского народа [23, с. 5]. В официальной советской идеологизированной локальной истории 1552 год стал водоразделом между варварством и цивилизацией в среднем Поволжье. Вот классический нарратив советской популярной литературы 1970-х годов по поводу значения событий 1552 г.: «много событий пережил и хранит в памяти своей главный город ТАССР – Казань. И крушение Золотой Орды, и междоусобицы самовластных ханов, и упорство Ивана Грозного, с которого начинается другая биография края; несправедливость, гнет царского самодержавия и жестокие пожары...» [3, с. 5].

Безо всякого критического осмысления «героически-трагический» нарратив событий 1552 г., интерпретирующий «Казанское взятие» как водораздел для локальной истории и важную веху для цивилизационного развития Московского царства в целом, перешёл и в современные массовые практики коммеморации в сфере образования, науки, культуры и политики. Этот нарратив удивительным образом оказывался «ко двору» в любой ситуации. Так, в период «парада суверенитетов», когда Татарстан оспаривал само существование внутри Российской Федерации, на праздновании 5-летия принятия декларации о суверенитете рес-

публики Татарстан в 1995 г. председатель Госсовета региона Василий Лихачев в своей речи говорил: «образование в 1920 г. Татарской социалистической республики стало шагом в восстановлении государственности народов нашего края, утраченной еще в XVI веке» [14, с. 21]. Первый президент Татарстана Минтимер Шаймиев в таком же цивилизационном ключе интерпретировал в своих поздних интервью и строительство Свияжска, и завоевание Казани в 1552 г.: «вы думаете, мне нравится, как Иван Грозный завоевал Казань? Нет. (...) В то же время нас тоже считают завоевателями Руси, установившими свою власть лет на триста. И русские имеют право обижаться» [15, с. 72].

В аналогичном виде эти идеи присутствуют и в региональных учебниках истории. Здесь события октября 1552 г. интерпретируется как «рубежные в истории существования Казанского ханства» [21, с. 104], за которыми следовала партизанская «отечественная война»: «были уничтожены правительство и войско, ликвидированы все государственные структуры (...) Однако татары и другие народы Казанского ханства не прекратили свою борьбы за независимость» [22, с. 232].

Наконец, в том же виде «Казанское взятие» как нарратив локальной исторической памяти сохранился и в местной художественной литературе. Конечно, в основном татарские писатели интерпретируют события октября 1552 г. негативно, иногда даже резко негативно, например: «осенью 1552 г. Иван Грозный уничтожил Казань. На этот раз русские не только победили, но и поставили себе целью смести татар с лица земли. (...) В истории часто встречаются схожие ситуации. Гитлер тоже хотел уничтожить русские столицы – Москву и Ленинград, и сравнять эти города с землей» [18, с. 333]. Однако классический набор мифологем все равно сохраняется: «Россия появилась после присоединения Казанского ханства к Великому княжеству Московскому» [4, с. 13].

Выводы

Как показывает реконструкция военно-политического контекста и самого хода противостояния Москвы и Казани, события октября 1552 года были далеко не первым (и далеко не последним) эпизодом длительных и неомогенных отношений различных политических субъектов в среднем Поволжье. На протяжении многих десятилетий до 1552 года, а также непосредственно перед «Казанским взятием» престол Казанского ханства занимали правители, обладающие символической властью, и к тому же находящиеся в зависимости

от Москвы. Состав войска (известно, что в строительстве Свияжска участвовали более 500 татарских мурз и князей), характер коммуникаций царя Ивана IV и его посланников с казанской элитой – все это не позволяет интерпретировать «Казанское взятие» как завоевательную акцию Московского царства. Более вероятным представляется интерпретация этой войны как противостояния одной части татарской элиты с другой, в которой Москва участвовала на стороне одной из противоборствующих сторон, используя внутриэлитарный конфликт как повод для проведения «карательной операции». Взятие Казани в октябре 1552 года долгие десятилетия не приносило Москве никаких реальных дивидендов, и никак принципиально не изменило характер политического взаимодействия на этой территории.

Тем не менее, довольно быстро события октября 1552 года в политических коммеморативных практиках стали интерпретироваться как рубежный акт цивилизационного значения – как для самой Казани, так и для Московского царства в целом. Успех этих практик был обеспечен благодаря ситуативному совпадению интересов нескольких субъектов коммуникаций: правительства, Церкви, и князя Курбского (работавшего на внешнюю репрезентацию событий). Руководствуясь разными задачами, эти субъекты конструируют из малозначительного на деле эпизода московско-татарских взаимодействий акт вселенского значения, знаменующий победу христианства над мусульманством, добра – над злом, восстановления исторической справедливости и начала принципиально нового периода в отечественной истории.

В дальнейших практиках коммеморации в публичной символической политике (в том числе, конструировании «мест памяти»), искусстве, образовании и локальной научной деятельности «Казанское взятие» продолжает интерпретироваться как принципиально важное историческое событие, не подвергаясь сколько-либо существенному критическому анализу. Таким образом, ситуативно сконструированный миф, будучи повторенный в нескольких авторитетных источниках и актах символической политики, становится общепризнанной версией и начинает самовоспроизводиться. Оказывается, что вырваться из колеи однажды сконструированного исторического нарратива – почти невозможная задача. Даже критика транслируемого в нем сюжета работает на его развитие, подчеркивая важность критикуемой версии.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-78-00150, <https://rscf.ru/project/22-78-00150/>

Список источников

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. Санкт-Петербург: в Тип. 2 отделения Собственной Е. И. В. канцелярии Т. 1: 1294-1598. 1836. 2000 с.
2. Алишев С.Х. Материалы по истории татарского народа. Казань: ИЯЛИ, 1995. 608 с.
3. Аристов В., Каримуллин А., Климентовский В. Казань в художественной литературе. Казань: Татарское книжное издательство. 1977. 359 с.
4. Валеев Р.С. Татары у себя дома. Казань: Кагариф, 2005. 254 с.
5. Галлямов Р.Ф. После падения Казани. Казань: Татарское книжное изд-во, 2001. 143 с.
6. Загидуллин И. Празднование в России покорения Казани во второй половине XVI – начале XX вв. // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Материалы научного семинара. 5 февраля 2002 г. 2002. С. 4 – 71.
7. Иван Грозный. Двойной портрет. М.: Ломоносов, 2020. 248 с.
8. Измайлов И.Л. Основные концепции завоевания Казанского ханства в отечественной историографии: между идеологией и наукой // Новое прошлое. The New Past. 2022. № 1. С. 102 – 118.
9. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 342 с.
10. Карл Фукс Научно-биографический сборник. Казань: Жиен, 2005. 480 с.
11. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. СПб: Нестор-История, 2018. С. 27 – 53.
12. Малинова О.Ю., Миллер А.И. Введение. Символическая политика и политика памяти. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. С. 7 – 37.
13. Мансуров З. Татарский кодекс по Тукаю (из книги «Беседы с Тукаем»). Казань: Татарское книжное издательство. 2019. С. 100 – 130.
14. Мухаметшин Ф.М., Измайлов Р.Т. Суверенный Татарстан. М.: ИНСАН, 1997. 304 с.
15. Овруцкий Л.М. Беседы с Минтимером Шаймиевым. Казань: Татарское книжное издательство, 2013. 384 с.
16. Полное собрание русских летописей: в 43 т. Т. 13. Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904.
17. Похлебкин В.В. Татары и Русь. М.: Международные отношения, 2000. 95 с.
18. Проза татарских писателей. С востока свет: повесть, рассказы, эссе. Казань: Казань: Татарское книжное издательство, 2019. 178 с.
19. Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445-1552). Очерки истории. Казань: Татарское книжное издательство, 2009. 207 с.
20. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. III. Т. 5-6. М.: Мысль, 1989. 783 с.
21. Султанбекова Б.С., История Татарстана: учебное пособие для основной школы. Казань: ТаРИХ, 2001. 544 с.
22. Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа и Татарстана (древность и средневековье): учеб. для сред. общеобразоват. школ, гимназий и лицеев. Казань: Магариф, 2000. 255 с.
23. Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа. Казань: Татарское книжное издательство, 2021. 255 с.
24. Хузин С.Ф., Ситдилов А.Г., Древняя Казань глазами историков и современников. Казань: Издательство «Фест», 1996. 444 с.
25. Levi-Strauss C. Mythologiques I, Le cru et le cuit // Paris. 1964. P. 22 – 38.
26. Topolski J. The Role of Logic and Aesthetic in Construction Narrative Wholes in Historiography // History and Theory. 1999. Vol. 38. № 2. P. 198 – 210.

References

1. Acts collected in libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences. St. Petersburg: in the Type. 2 department of His Imperial Majesty's Chancellery T. 1: 1294-1598. 1836. 2000 p.
2. Alishev S.Kh. Materials on the history of the Tatar people. Kazan: IYALI, 1995. 608 p.

3. Aristov V., Karimullin A., Klimentovsky V. Kazan in fiction. Kazan: Tatar book publishing house. 1977. 359 p.
4. Valeev R.S. Tatars at home. Kazan: Kagarif, 2005. 254 p.
5. Gallyamov R.F. After the fall of Kazan. Kazan: Tatar Book Publishing House, 2001. 143 p.
6. Zagidullin I. Celebration of the conquest of Kazan in Russia in the second half of the 16th – early 20th centuries. Kazan Khanate: current research issues. Proceedings of the scientific seminar. February 5, 2002. 2002. P. 4 – 71.
7. Ivan the Terrible. Double portrait. Moscow: Lomonosov, 2020. 248 p.
8. Izmailov I.L. Basic concepts of the conquest of the Kazan Khanate in Russian historiography: between ideology and science. New past. The New Past. 2022. No. 1. P. 102 – 118.
9. Kappeler A. Russia – a multinational empire: Emergence. History. Collapse. M.: Progress-Tradition, 2000. 342 p.
10. Karl Fuchs Scientific and biographical collection. Kazan: Zhien, 2005. 480 p.
11. Malinova O.Yu. Memory politics as a field of symbolic politics. Methodological issues in studying the politics of memory: Collection of scientific papers. St. Petersburg: Nestor-History, 2018. P. 27 – 53.
12. Malinova O.Yu., Miller A.I. Introduction. Symbolic politics and the politics of memory. St. Petersburg: Publishing house of the European University in St. Petersburg, 2021. P. 7 – 37.
13. Mansurov Z. Tatar Codex according to Tukai (from the book “Conversations with Tukai.” Kazan: Tatar Book Publishing House. 2019. P. 100 – 130.
14. Mukhametshin F.M., Izmailov R.T. Sovereign Tatarstan. M.: INSAN, 1997. 304 p.
15. Ovrutsky L.M. Conversations with Mintimer Shaimiev. Kazan: Tatar Book Publishing House, 2013. 384 p.
16. Complete collection of Russian chronicles: in 43 volumes. T. 13. Chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon Chronicle. SPb.: Printing house I.N. Skorokhodova, 1904.
17. Pokhlebkin V.V. Tatars and Rus'. Moscow: International Relations, 2000. 95 p.
18. Prose of Tatar writers. Light from the East: novella, stories, essays. Kazan: Kazan: Tatar Book Publishing House, 2019. 178 p.
19. Rakhimzyanov B.R. Kasimov Khanate (1445-1552). Essays on History. Kazan: Tatar Book Publishing House, 2009. 207 p.
20. Soloviev S.M. Works. Book III. Vol. 5-6. Moscow: Mysl, 1989. 783 p.
21. Sultanbekova B.S., History of Tatarstan: a teaching aid for basic school. Kazan: Ta-RIH, 2001. 544 p.
22. Fakhrutdinov R.G. History of the Tatar people and Tatarstan (antiquity and the Middle Ages): textbook. for medium general education schools, gymnasiums and lyceums. Kazan: Magarif, 2000. 255 p.
23. Fakhrutdinov R.G. History of the Tatar people. Kazan: Tatar Book Publishing House, 2021. 255 p.
24. Khuzin S.F., Sitdikov A.G., Ancient Kazan through the eyes of historians and contemporaries. Kazan: Publishing house "Fest", 1996. 444 p.
25. Levi-Strauss C. Mythologiques I, Le cru et le cuit. Paris. 1964. P. 22 – 38.
26. Topolski J. The Role of Logic and Aesthetic in Construction Narrative Wholes in Historiography. History and Theory. 1999. Vol. 38. No. 2. P. 198 – 210.

Информация об авторе

Чернышов С.А., старший научный сотрудник, Национальный исследовательский Томский государственный университет

© Чернышов С.А., 2025